

Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности

Проблема появления и функционирования родовых общин у тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока в комплексе не рассматривалась, хотя по ряду этносов Приамурья и Приморья мы имеем определенные сведения, позволяющие увидеть весь процесс общинной деятельности и проследить её характерные особенности в первобытнообщинном коллективе.

Цель статьи – отразить характерные особенности родовой общины тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина, пережитки которой встречались у аборигенов дальневосточного региона еще в 1970-х–1990-х гг.

Сбор материалов по теме исследования производился в процессе ежегодных полевых работ в 1969–2012 гг. почти среди всех тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина. При подготовке статьи использовались сравнительно-исторический метод исследования и метод пережитков, разработанный английским этнологом Э. Тайлором. Эти и другие методы исследования позволили по остаткам прошлой культуры аборигенов края реконструировать пережиточные формы родовой общины, и в условиях социально-экономических изменений аборигенного общества, раскрыть особенности её функционирования.

Многие бесписьменные народы мира, находившиеся на разных стадиях родового строя, вплоть до XX столетия не знали государственной власти, однако их жизнь не протекала в безвластии. Родоплеменная община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина еще в конце XIX в. имела свою своеобразную власть, которая отражала интересы каждого члена общества.

Естественно в настоящее время уже невозможно встретить родовую общину какого-либо народа в том виде, в каком состоянии она находилась двести-триста лет тому назад. Родовой строй любого общества с момента его образования, даже в условиях первобытности, подвергался различным изменениям, обусловленным экологическими, социальными, экономическими, культурными, этнокультурными контактами с соседними этносами и т.д.

Этнологи, занимающиеся изучением народов, находившихся до недавнего времени на стадии разложения первобытнообщинного строя, реконструировали процесс функционирования родовой общины прошлых столетий. Они выявили главные аспекты первобытнообщинного строя, к числу которых относятся – коллективизм, взаимная помощь, кровная месть и др. аспекты, характеризующие деятельность родового строя.

В качестве примера возьмём формирование и функции родовой организации дальневосточных этносов, в состав которых входят негидальцы, нанайцы, уилта (ороки), орочи, удэгейцы, ульчи и другие малочисленные народы тунгусо-маньчжурской группы. Даже поверхностное рассмотрение деятельности родовой общины этих этносов позволяет нам увидеть много общего в культурах разных народов мира.

Каждый род у тунгусо-маньчжуров южной части Дальнего Востока России управлялся на основе первобытнообщинной демократии. Общее собрание взрослых членов семей сообща решало вопросы коллективной охоты, рыболовства и особенно кровной мести. На этих собраниях каждый представитель рода обладал равными правами. "... Не единичны примеры, – подчеркивал В. К. Арсеньев, – когда решения большого собрания изменялись по реплике

десятилетнего подростка" [2, с. 153]. Такое управление родом у аборигенов региона позволяло каждому члену общества быть уверенным, что в трудную минуту ему окажут помощь и не оставят в беде.

В любом деле отдавалось предпочтение самому уважаемому, умному, опытному и знающему человеку. Если аборигены шли на охоту, то во главе группы становился наиболее опытный человек. Плаванием по реке руководил тот, кто лучше других знал фарватер. При неизбежном столкновении с враждебным родом отряд возглавлял наиболее умный и рассудительный человек. Удэгейцы, нанайцы, ульчи, орочи и другие этносы дальневосточного региона в своём роде хорошо знали способности каждого человека, поэтому выбор вожака осуществлялся, хотя и стихийно, но всегда решение принималось правильное. "Никто его старшим в коллективе не выбирает, но все знают, что это его дело, и все подчиняются его голосу" [1, с. 87], – отмечал В. К. Арсеньев, когда удэгейцы в своём роде определяли вожака. Правильный выбор вожака обуславливал физическое выживание отдельных членов семьи или рода не только у удэгейцев, но и у других этносов Приамурья, Приморья и Сахалина в условиях экстремальных ситуаций.

Многие исследователи фиксировали у аборигенов этих регионов пережиточные формы первобытного коллективизма, которые были характерными для общественных отношений родовой общины. Удэгейцы, нанайцы, орочи и др. аборигены регионов сообща владели промысловыми участками охоты, рыболовства и собирательства, закрепленными с незапамятных времен за тем или иным родом. Родовые земли распределялись по естественным и легко различимым признакам: протокам, заливам, озёрам, горным хребтам, островам, долинам и т.д. Например, вплоть до недавнего времени нанайский "род Хэдэр охотился на реке Мухэни (приток Малой Кавы), а род Бельдай – на реке Большой Каве. Род Гаил (Гахир) имел охотничьи угодья по притокам реки Хунгари, в бассейне рек Хото, Пир, Мули, Акур, Хадин, а Самаргин – на левом берегу реки Элбинбин и в заливе Кэвур" [12, с. 40–41].

Индивидуальной собственностью каждого члена общества были только орудия труда – ножи, копья, луки, ловушки и т.д., изготовленные самими охотниками, или огнестрельное оружие, которое стало приобретаться в 70-х годах XIX столетия у маньчжуров и русских.

Аналогичное отношение к собственности наблюдалось у всех аборигенов тунгусо-маньчжурской группы и палеоазиатов Приамурья. К индивидуальной собственности относились те вещи, которые считались неотъемлемой частью тела человека – это оружие и украшения. Эти вещи считаются у первобытных народов, как органы своего тела или как продолжение тела: дубина – продолжение руки, украшение – придаток кожи, волос и т.д. [9, с. 192]. "Существование личной собственности на индивидуальные орудия соответствовало производственным нуждам и интересам коллектива, так как их наиболее эффективное использование было возможно лишь в том случае, если они соответствовали индивидуальным особенностям владельца" [16, с. 245–246]. Но и эти орудия производства обычно использовались всегда для удовлетворения нужд коллектива.

Коллективная охота, ловля рыбы запорами, организованное собирательство, сооружение жилищ и т.д. – все это требовало совместных усилий, а общий труд порождал общинную собственность, как на средства производства, так и на его продукты. Например, строительством индивидуального дома у нанайцев занимались все жители села. По этой причине строительство дома осуществлялось очень быстро. Но дом, возведённый общим трудом всего стойбища или однофамильцами, уже принадлежал не отдельному лицу, а всему стойбищу или группе однофамильцев. "Действительно, у гольдов (*нанайцев* – А. С.) довольно часто можно наблюдать, – писал И. А. Лопатин, – что в одной фанзе живут три, четыре или даже пять семей, Если же живет одна семья, то к ней в фанзу в любой момент имеет право приехать на постоянное жильё каждый член рода или какая-либо семья из того же стойбища" [9, с. 190]. Поселившаяся семья нанайцев в доме однофамильца, может жить столько, сколько потребуется ее хозяину. Иногда такие семьи живут у своих сородичей по несколько лет. Все это "делается как-то само собою в силу обычая" [9, с. 190].

Аналогичная картина наблюдается с использованием охотничьего зимовья и запасами продуктов питания. По каким-либо причинам ушедшие домой охотники оставляют в тайге зимовья незапертыми, хотя в нем остаются в большом числе различные охотничьи и хозяйственные вещи. "Всякий, попавший в это место, имеет право жить в нем, пользоваться вещами и брать с собою сколько угодно из запасов продовольствия, хранящегося в амбарчике, расположенном недалеко от охотничьего зимовья" [9, с. 191].

Во время массового хода лососевых (летом или осенью) аборигены Приамурья и Приморья занимались массовыми заготовками рыбы. Вот как характеризует коллективный труд И. А. Лопатин у нанайцев: "Работают все с мала до велика и работают удивительно дружно и старательно. Однако каждый работает не для себя одного, а на всю компанию, т.е. на всё стойбище. Работы распределены между отдельными работниками соответственного полу и возрасту, а также в зависимости и от индивидуальных способностей. Молодые парни исполняют в лодках и в воде тяжелую работу по вытаскиванию невода; старики, как опытные и слабосильные, сидят на кормах лодок и командуют; подростки, ещё малоопытные и несильные, выбрасывают пойманную рыбу в кучи дальше от реки; женщины возятся около этих куч за чисткою. Весь добытый запас рыбы распределяется между семьями стойбища не в соответствии с числом участвующих работников, а в зависимости от числа едоков. Кроме того, если к концу зимы у кого-нибудь выйдет запас юколы, то он обращается к соседям, и те дают из своих запасов беспрепятственно и совершенно бесплатно. Вообще, пользование запасами происходит у гольдов вполне в коммунистическом духе. Заготовленные пищевые продукты, как и жилище, считаются общими для всего стойбища, подобно воздуху и воде" [9, с. 191].

После удачной охоты на лося, кабана или другого крупного зверя охотник делил тушу на части и наделял мясом всех жителей стойбища. "Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли домой муку, – писал В. К. Арсеньев об удэгейцах. – Он не отдаст всего этого своей семье, он непременно поделится со всеми соседями" [1, с. 87]. При этом доля мяса, рыбы и т.д. даже самого удачливого охотника и рыболова являлась не большей, чем у сородичей с равным количеством членов семьи.

Мы привели сведения о распределении охотопромысловой добычи у аборигенов Приамурья и Приморья, чтобы показать нравственное единство этого многообразия. Дело в том, что при разных способах распределения охотничьей продукции сам охотник традиционного общества "не является собственником добычи, он не запасает впрок, не обменивает излишки на другие предметы, не ссужает в долг и т.п. Иными словами, тут действует, неписанный, нравственный принцип коллективизма и товарищества" [6, с. 83].

Распределение мяса между жителями небольших аборигенных селений Приамурья и Приморья осуществлялось почти до конца XX столетия. Еще в 1960-е – 1980-е гг., когда удэгеец, наналец или ороц возвращался с охоты с добычей, в его дом приходили соседи. Когда они уходили, охотник брал лучший кусок мяса и давал его гостю.

Аборигены Приамурья обычно охотятся по одному человеку, но иногда в охоте на крупных животных принимает участие до 5–6 человек. В тайге имеются такие места, где обычно пасутся кабаны, изюбры или олени, но изгнать их отсюда из-за сложного рельефа территории трудно. Тогда собирается несколько человек и устраивается загонная охота: два человека сидят в засаде, а остальные гонят зверя в сторону охотников.

Следует особо сказать, что коллективная охота у аборигенов края преимущественно осуществлялась с целью укрепления родственных и дружественных отношений между сородичами. А добыча зверя в процессе такого общения – это своеобразное вознаграждение со стороны хозяина тайги охотникам, почитающим традиционные нормы обычного права.

В 1970-е – 1990-е гг. лично мне приходилось принимать участие в такой охоте и наблюдать дележку мяса убитого изюбра и кабана у нанайцев, орочей и удэгейцев. При удачной коллективной охоте мясо и сало делится на равные доли, и раскладывается по кучкам. Затем хозяин охотничьего участка отворачивается от приготовленного к раздаче мяса и сала, другой охотник показывает на одну из кучек и спрашивает у хозяина: "Кому эта доля?". Хозяин участка

называет имя. Такая процедура продолжается до тех пор, пока все доли не будут распределены мясо между участниками охоты.

Удэгейцы считают, что распределение охотничьей добычи между участниками охоты по жребию очень справедливым, потому что каждый получает ту долю, какую ему голосом хозяина участка выделяет дух местности – *азани*, на территории которого был убит зверь. Получает свою долю в виде жертвоприношения и сам хозяин – дух местности.

Считается, что хозяин местности или хозяин тайги – божество аборигенов – находилось в священном дереве, растущем в примечательном месте. Это дерево обычно привлекало к себе внимание своей необычной кроной или толщиной. На стволе такого дерева в метре от земли делалось изображение духа – покровителя охотников, известного у тунгусо-маньчжурских этносов под разными названиями: *пиухэ* (нанайцы, орочи), *пиу* (удэгейцы), *дуугду* (негидальцы), *магин*, *мугдэ* (эвенки). У нанайцев, орочей и удэгейцев изображение *пиу*, *пиухэ* имело вид небольшого углублённого треугольника. Когда на выбранном дереве делалось ритуальное изображение хозяина местности, устанавливался жертвенник и был сделан первый поклон, дерево считалось священным [15, с. 96].

Когда охотник возвращался домой, он обязательно оставлял жертвоприношение хозяину местности или хозяину тайги *онку* на жертвенном столике *даго* (удэ), установленном у подножия священного дерева и, став на правое колено, кланялся и благодарил хозяина тайги, что он послал ему навстречу зверя и позволил взять его плоть. При этом охотник наливал в кружку немного водки, опускал указательный палец в спиртное, и со словами благодарности три раза брызгал перед собой, налево и направо (удэгейцы, орочи) или отливал из кружки чуть-чуть на землю (нанайцы, ульчи). После этого охотник выпивал водку, закусывал, не забывая при этом, угостить закуской и хозяина местности. На жертвенный столик клался кусочек хлеба или лепешки, щепотка риса, спички, табак.

Хозяин местности мог жить не только в священном дереве, но и в других примечательных местах. Например, одно из таких мест находится на левом берегу р. Бикин на отвесной скале горы Сивантай. Здесь устроена кумирня в виде небольшого сооружения, внешне напоминающего скворечник с двускатной крышей. К этой кумирне можно подойти только на лодке.

В 2007 г. мне лично приходилось видеть, что на жертвенном столике кумирни, проезжающими охотниками оставлялись бумажные деньги (50 и 100 рублей) и много монет (преимущественно 1, 2, 5-рублевого достоинства). Кроме денег здесь же лежали патроны от карабина, патроны от малокалиберной винтовки и от гладкоствольных ружей, зажигалки, спички, печенье, ломтики хлеба, а на рядом растущем деревце были навязаны разные лоскуты, привязаны пуговицы, женские браслеты и другие вещи.

Исследователи 70-х гг. XX столетия считают, что "коллективизм заключается не в том, чтобы всем владеть сообща и всё делить поровну, а во взаимной поддержке в труде, в осуществлении принципа взаимности при распределении" [4, с. 15]. Таким образом, "коллективизм в потреблении был не просто автоматическим результатом коллективного производства, а необходимым условием выживания при низкой производительности труда и частой нехватке пищи. Род регулировал потребление в интересах всех сородичей и не допускал такого положения, чтобы одни благоденствовали, в то время как другие испытывали лишения" [10, с. 100]. Даже в период интенсивного разложения родового строя аборигены Приамурья и Приморья всегда удовлетворяли нужды не только своей семьи, но заботились и о благополучии соплеменников. Например, если о соседях, живущих на той же реке, сородичи долго не имели известий, то посылали к ним кого-нибудь из своей семьи узнать: "Здоровы ли те, не случилось ли чего-нибудь, и не нуждаются ли они в какой-либо помощи" [2, с. 154], и если последние нуждались в материальной поддержке, то они её немедленно получали. "И всё это берётся без отдачи, – отмечал В. К. Арсеньев, – и никому в голову не приходит мысль отказать или просить обратно" [1, с. 87] долг.

Первобытный коллективизм сохранялся вплоть до 30-х гг. XX столетия не только у народов России – нанайцев, удэгейцев, орочей, ульчей, уилта

(ороков), эвенов, эвенков, негидальцев, нивхов, хантов, манси, селькупов, кетов и др., но и у многих народов мира.

Блестителями родовых обычаев являлись пожилые и наиболее уважаемые представители рода. Исполнение их предложений и советов по обычному праву аборигенов Приамурья и Приморья было обязательным для всех членов коллектива. Случалось, что в отношениях между сородичами нарушались нормы родовых взаимоотношений. Тогда к нарушителям применялись меры коллективного воздействия. Провинившегося били палками и изгоняли из рода, после чего он не имел больше права показываться не только на реке, где жил его род, но и на двух соседних. Если изгнанник селился в непопозженном месте, то при встрече его убивали (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 124)¹.

Среди аборигенов Приамурья и Приморья не было воровства. "Вор, по их понятиям – урод, сумасшедший, – писал В. К. Арсеньев об удэгейцах. – Зачем красть, когда сородич и так даст просимое, если только у него оно имеется. Поэтому их жилища и амбары никогда не запираются. Замков ни у кого нет. Только входная дверь в балаган подпирается колом или палкой, чтобы ветер ее не открыл, и чтобы туда случайно не зашла собака" [2, с. 154].

Но нередко встречались нарушения межродовых отношений, причиной которых являлся недостаток женщин, спор из-за калыма, охотничьих угодий и т.д. Спорные вопросы решались в родовом суде, который действовал, исходя из норм обычного права [5, с. 80–81]. "В состав суда входили старики, как от заинтересованных сторон, так и от нейтральных родов. Все они следили за выполнением старых законов. Для ведения переговоров об улаживании конфликта приглашали *мангга* – посредника, члена нейтрального рода, красно-речивого, уважаемого, честного человека, хорошо знающего нормы обычного права" [13, с. 53].

Старые родовые законы, составляющие нормы обычного права предусматривали мирное урегулирование различных конфликтов, как между членами своего рода, так и межродовых недоразумений. Поэтому преступные дела старались уладить мирным путем, а виновных наказывали штрафом (*байта*) в пользу потерпевших или оскорблённых. Если виновные не могли заплатить, то платили этот штраф сородичи. Величина его зависела от степени преступления. Так за мелкое преступление с виновного взымался один котел и халат. За тяжелое преступление штраф увеличивался. Вот как характеризовал систему удэгейских штрафов В. К. Арсеньев: "За похищение девушки – 10 рубашек и один котел. Девушка остается у похитителя и становится его женой. За похищение замужней женщины штраф стоит выше. Платится 10 рубашек, 2 котла и 3 копыя и при этом женщина возвращается к мужу. За изнасилование платится 2 копыя, 3 рубашки и при этом виновного бьют до полусмерти" (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 56.). За случайное ранение одного охотника другим, например у ульчей, виновный отдавал потерпевшему выращенного медведя, котёл, орнаментированное копьё и китайскую шубу [13, с. 54].

Самым тяжким преступлением считалось убийство, случившееся, как правило, из ревности, в порыве гнева или из-за нелепой случайности во время охоты на зверя. Убийце грозила большая опасность. "Опасность одному человеку – опасность всему роду, всему народу" (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.), – считали удэгейцы, нанайцы, орочи, ульчи, негидальцы и др.

Род виновного предпринимал меры, чтобы защитить сородича, а род погибшего клялся отомстить обидчику. "За смерть насильственную нельзя не мстить, ибо душа убитого никогда не попадёт в царство теней и поэтому будет вечно странствовать по земле, вопить о мщении и, наконец, озлобленная, перейдёт к чёрту. Вот почему месть – святое дело. О бегстве никто не думает. Тут может быть один только выход – вооружённое столкновение" [2, с. 167].

По неписаным законам полагалось убить "лучшего человека из виновного рода от 15 до 30 лет" (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 50). Если потери были с той и с другой стороны, "то у виновных должно быть одним убитым больше" [2, с. 167].

¹ АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края

Мстители надевали наизнанку праздничные халаты, обувь и головные уборы, брали копыя, луки, стрелы, ножи (для осуществления кровной мести огнестрельное оружие применять запрещалось) и шли к поселению враждебного рода, где уже готовились к отражению неприятеля.

Чтобы нападающие не застали врасплох обороняющихся мужчин, женщины, старики и дети несли караул. Они ходили с палками вокруг стойбища, прочесывали кусты, а обнаружив неприятеля, били его палкой по спине, прогоняя прочь от своего стойбища. Обнаруженный человек, покорно переносил удары даже от ребенка, и удалялся, не оказывая никакого сопротивления, потому что женщины, старики и дети во время кровной мести считались неприкосновенными [2, с. 167].

Охрана стойбища длилась до тех пор, пока осаждавшие не съедали свое продовольствие, и не выпивали принесенную с собой воду. "Обычай не позволяет пить воду из реки, где живут обороняющиеся, рубить дрова, ловить рыбу, заниматься охотой. Поэтому атакующие люди несут с собой и воду, и продовольствие. Можно атаковать враждебный род, но нельзя устраивать осаду. Это ограничивает время на месть и заставляет враждующие стороны идти на примирение" [2, с. 167], – отмечал В. К. Арсеньев.

Конфликт разрешался в суде двух родов. Роль судьи (*занге*) выполнял самый уважаемый и почтенный старик из нейтрального рода. Он выяснял причину убийства сородича, советовался с помощниками и выносил приговор: виновному роду уплатить в пользу обиженного рода 8 котлов, 6 копий, 30 праздничных халатов и 30 соболей (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 56). "После этого со стороны виновных для того, чтобы все же кровь была пролита, убивают несколько собак, и инцидент считается исчерпанным" [2, с. 169].

Таким образом, древние "законы" удэгейцев, нанайцев, ульчей и других аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина, регулировавшие взаимоотношения представителей разных родов, можно охарактеризовать такой системой управления, при которой все аборигены региона имели одинаковые права и обязанности друг перед другом и обществом. "Во времена полного господства родового строя, – отмечал С. Н. Браиловский, – личная жизнь каждого удиһэ, равно как и жизнь всех, строго регулировалась множеством обычаев, имевших силу закона" [3, с. 146.].

Со второй половины XIX столетия в общественной жизни аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина стали происходить существенные изменения. В местах обитания амгуньских негидальцев, ульчей, нанайцев, удэгейцев и других этносов стали появляться селения русских переселенцев, среди иманских и бикинских аборигенов возникли поселения китайцев. Русские и китайцы оказали значительное влияние как на общественные отношения самих аборигенов, так и на их отношения с русскими, китайцами и другими народами юга Дальнего Востока России. Между отдельными представителями славянских народов и аборигенами стали завязываться торговые отношения, что существенным образом отразилось на их экономике и быте.

Чем совершеннее становились орудия труда у аборигенов Приамурья и Приморья, чем больше они могли добыть зверя, рыбы, пушнины, тем меньше они нуждались в совместных действиях с сородичами. Экономически крепкие семьи аборигенов края стремились обособиться и отделиться. Таким образом, уже во второй половине XIX в. родовая община у нанайцев, орочей, удэгейцев и других народов почти прекратила свое существование, что привело к переходу от родовых связей к территориальным и превращению родовой общины в соседскую [14, с. 24–25]. Однако, несмотря на эти социальные изменения, некоторые родовые пережитки еще сохранялись. Многие семьи, отделившиеся от родовой общины, не забывали своей принадлежности к тому или иному кровному роду и продолжали жить по родовым законам. Например, в соседской общине, существовавшей у ульчей в конце XIX – начале XX в., сочетался индивидуальный и коллективный труд..., причем в этих объединениях работали члены разных родов. "Потребление добычи в этом случае было коллективным. Добытый одним охотником олень или лось делился между всеми жителями села. Лососёвый заездок строили сообща несколько соседских семей, но рыбу на заездке каждая семья ловила для себя самостоятельно. Пушная

охота была связана с индивидуальным трудом и индивидуальным присвоением добычи даже в артелях охотников" [13, с. 55].

Удэгейцы в разное время создали ряд территориальных общин, каждая из которых имела своё определённое название. Последнее образование такой общины относится к тому времени, когда удэгейцы по социально-экономическим причинам перекочевали из разных мест на р. Хунгари [8, с. 195].

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется имущественным расслоением аборигенов региона. В число зажиточных в первую очередь попали территориальные старшины, в руках которых была сосредоточена вся власть. Основная же масса населения относилась к бедноте и влачила жалкое существование.

Имущественное неравенство среди удэгейцев, нанайцев, орочей и др. выражалось в количестве и качестве орудий производства, одежды, украшений и продовольствия. Зажиточные аборигены покупали дорогие вещи, хорошее оружие, а бедные довольствовались дешевыми товарами и самодельным снаряжением. Имущественное неравенство отражалось и в бытовых условиях народа. Одни имели "возможность тратить такие деньги как 120 руб. на покупку граммофона, 175 руб. на покупку винтовки, 100 руб. – на золотые часы", а другие не могли приобрести самого необходимого и проживали в бедности (АОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 38).

С разложением родового строя и образованием территориальных общин объективно нарушалось единство рода, так как аборигены одной фамилии утратили свою родовую территорию и стали жить в местах, удаленных на десятки и даже сотни километров друг от друга. Однако образование территориальных общин не означало отчуждения от своих однофамильцев и от аборигенов других родов. И в условиях территориальных общин коренные народы все еще сохраняли принцип коллективизма и взаимовыручки [14, с. 25].

До конца XIX столетия русские власти практически не вмешивались в самоуправление удэгейцев, орочей, нанайцев, ульчей и других малочисленных народов Приамурья, Приморья и Сахалина.

В XIX – начале XX вв. малочисленные народы Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также и большинство народов не русской национальности других регионов России в официальных документах обозначались под единым термином – "инородцы". На территории Дальнего Востока, в частности в Приамурье и Приморье, под этим термином фигурировали удэгейцы, нанайцы, ульчи, орочи, нивхи, тазы и др. аборигены регионов.

К концу XIX в. царское правительство разработало и издало (1892 г.) законодательный акт "Положение об инородцах", который урегулировал статус инородческого населения России. По этому "Положению" всё инородческое население России делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. К разряду оседлого населения относились те аборигены, которые имели постоянное место жительства, жили в деревнях и занимались земледелием. По сравнению с оседлым населением кочевые и бродячие инородцы обладали следующими особенностями: "непостоянством места жительства, степенью гражданского образования, простотою нравов, особыми обычаями, образом пропитания, трудностью взаимного сообщения, недостатком денег в обращении, сложностями со сбытом в местах лова и производства продукции. Кочевыми инородцами считались лица, которые имели место постоянного проживания, но не жили деревнями и в течение года меняли место своего пребывания. Бродячими признавались инородцы, которые не имели постоянного места проживания и переходили родами или семействами с одного места на другое по лесам, рекам или урочищам для охоты и рыболовства" [7, с. 8–11].

По этому Положению удэгейцы одновременно относились как к разряду кочевых, так и к разряду бродячих инородцев. "Положение об инородцах" узаконило традиционное самоуправление удэгейцев, которое имело место в обществе этноса еще в эпоху родового строя. Как и в прошлые времена, после внедрения в жизнь аборигенов Приамурья и Приморья "Положения об инородцах" самоуправление коренного населения края практически не претерпело изменений. Оно учитывало некоторые традиции этносов, их обряды и обычаи.

В каждом крупном стойбище аборигенного населения региона, например у удэгейцев, история и культура которых автору статьи наиболее извест-

на, создавалось родовое управление в составе старейшины и одного или двух помощников. Старейшина избирался общим собранием членов рода. Каждое стойбище (селение) или территория, независимо от его величины, имело название, отражающее территориальные, промысловые, религиозные и иные особенности. [11, с. 53–58]. Выборный старейшина осуществлял учет членов рода и следил за порядком в стойбище. Несколько стойбищ, имевших выборных старейшин, объединялись в территориальную общину. Как правило, территориальная община ограничивалась бассейном той или иной крупной реки. У удэгейцев таких территориальных общин было восемь.

С переходом родовых общин в территориальные система самоуправления удэгейцев несколько изменилась. Если раньше во главе стойбища или рода стоял старейшина, и ему подчинялись удэгейцы того же рода, то старшиной территориальной общины мог быть человек из любого рода и даже народа, и его власть распространялась на всех жителей этой общины.

С появлением правового акта "Положение об инородцах" формирование и деятельность органов самоуправления кочевых и бродячих инородцев находилась под контролем органов управления губерний. Кандидаты на замещение территориальных старейшин и их выборные помощники утверждались волостными или областными начальниками. Эти старейшины приравнивались в правах к деревенским старостам.

С. Н. Браиловский отмечал, что выборные старейшины распределяли землю в охотничьих угодьях, решали возникающие по поводу промыслов распри, разбирали споры из-за калыма, из-за женщин и другие незначительные дела [3, с. 151]. Решение сложных дел возлагалось на исправника или других официальных лиц, которые относительно регулярно посещали районы расселения коренных жителей Приамурья, Приморья и Сахалина.

Вплоть до 1925 г. территориальные старшины осуществляли правосудие по родовым законам и обычаям. Однако многие удэгейцы, нанайцы и др. аборигены, контактируя с русскими, стали понимать, что законы Российского государства менее суровы, чем родовые, поэтому уже в начале XX в. они стали требовать от старшин вершить суд по русским законам [3, с. 151]. И. А. Лопатин по этому поводу писал: "Теперь часто происходят совершенно безнаказанно такие различные правонарушения, которые раньше были совершенно недопустимы, а если и встречались иногда, то сейчас же пресекались и жестоко наказывались родовой властью на основании обычного права. Но теперь во все вмешивается русская... власть и судит не по гольдскому обычаю, а на основе Российских законов..." [9, с. 46].

Утверждение русской власти и развитие торговых отношений среди коренного малочисленного населения регионов в корне изменило их внутренний уклад родоплеменных общественных отношений, выразившихся в разложении первобытнообщинного строя и в социальном расслоении аборигенов на бедных и богатых. Этот социально-экономический процесс в своей основе был неизбежным, но прогрессивным в этнической истории коренного малочисленного населения дальневосточного региона.

Литература

1. Арсеньев В. К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901–1911 гг.) // Арсеньев В. К. Соч. Т. 5. Владивосток: Примиздат, 1948. С. 3–110.
2. Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы // Арсеньев В. К. Соч. Т. 5. Владивосток: Примиздат, 1948. С. 137–188.
3. Браиловский С. Н. Тазы, или уди́хэ: Опыт этнографического исследования. (Отдельный оттиск из журнала "Живая старина"). СПб., 1901. 223 с.
4. Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 11–25.
5. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. 206 с.
6. Зыбковец В. Ф. Происхождение нравственности. М.: Издат-во политической литературы, 1974. 128 с.
7. Исторические правовые акты. Царское законодательство: Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Статус малочисленных народов России: Правовые акты / Сост. В. А. Кряжков. М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 1999. С. 8–39.

8. Ларькин В. Г. Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР им. В. Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т. 1. С. 193–208.
9. Лопатин И. А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. Т. 7. 370 с.
10. Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1974. 2-е издание. 223 с.
11. Подмаскин В. В. Удэгейские топонимы // Филология народов Дальнего Востока (ономастика). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 53–58.
12. Сем Ю. А. Общественный строй и социальная организация // История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург: "Наука", 2003. С. 37–42.
13. Смоляк А. В. Ульчи: хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
14. Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
15. Старцев А. Ф. Культ священного дерева в традиционной промысловой обрядности малочисленных народов Приамурья и Приморья // Религиоведение. 2019. № 1. С. 94–100.
16. Хомутов А. Е. Антропология. Учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 2003. 384 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V. K. Kratkij geograficheskij ocherk Ussurijskogo kraja (1901–1911 gg.) // Arsen'ev V. K. Soch. T. 5. Vladivostok: Primizdat, 1948. S. 3–110.
2. Arsen'ev V. K. Lesnye lyudi udehkhejtsy // Arsen'ev V. K. Soch. T. 5. Vladivostok: Primizdat, 1948. S. 137–188.
3. Brailovskij S. N. Tazy, ili udiheh: Opyt ehntograficheskogo issledovaniya. (Otdel'nyj ottisk iz zhurnala "ZHivaya starina"). SPb., 1901. 223 s.
4. Grigor'ev G. P. Vosstanovlenie obshhestvennogo stroya paleoliticheskikh okhotnikov i sobiratelej // Okhotniki, sobirатели, rybolovy. L.: Nauka, 1972. S. 11–25.
5. Zolotarev A. M. Rodovoj stroj i religiya ul'chej. Khabarovsk, 1939. 206 s.
6. Zybkovets V. F. Proiskhozhdenie нравственности. М.: Izdat-vo politicheskoy literatury, 1974. 128 s.
7. Istoricheskie pravovye akty. TSarskoe zakonodatel'stvo: Ustav ob upravlenii inorodtsev ot 22 iyulya 1822 g. // Status malochislennykh narodov Rossii: Pravovye akty / Sost. V. A. Kryazhkov. М.: Izdanie g-na Tikhomirova M. YU., 1999. S. 8–39.
8. Lar'kin V. G. EHtnograficheskoe izuchenie imanskikh i khungarijskikh udehgejtsev // Trudy DVF SO AN SSSR im. V. L. Komarova. Seriya istoricheskaya. Saransk, 1959. T. 1. S. 193–208.
9. Lopatin I. A. Gol'dy Amurskie, Ussurijskie i Sungarijskie. Opyt ehntograficheskogo issledovaniya. Vladivostok, 1922. Т. 7. 370 s.
10. Pershits A. I., Mongajt A. L., Alekseev V. P. Istoriya pervobytnogo obshhestva. М., 1974. 2-е издание. 223 с.
11. Podmaskin V. V. Udehgejskie toponimy // Filologiya narodov Dal'nego Vostoka (onomastika). Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1977. S. 53–58.
12. Sem YU. A. Obshhestvennyj stroj i sotsial'naya organizatsiya // Istoriya i kul'tura nanajtsev: istoriko-ehntograficheskie ocherki. Sankt-Peterburg: "Наука", 2003. S. 37–42.
13. Smolyak A. V. Ul'chi: khozyajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashhem. М.: Nauka, 1966. 290 с.
14. Startsev A. F. Kul'tura i byt udehgejtsev (vtoraya polovina XIX–XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 444 с.
15. Startsev A. F. Kul't svyashhennogo dereva v traditsionnoj promyslovoj obryadnosti malochislennykh narodov Priamur'ya i Primor'ya // Religiovedenie. 2019. № 1. S. 94–100.
16. KХомутов А. Е. Антропология. Учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 2003. 384 с.

Старцев А. Ф. Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности.

Родовая община коренных жителей Приамурья, Приморья и Сахалина является одной из основных форм социальной организации в эпоху первобытнообщинного строя, в которой люди были связаны коллективным трудом и общим потреблением продуктов охоты и рыболовства. Каждая община аборигенов региона представляла собой большой коллектив, связанный родственными отношениями, общим происхождением и экономической жизнью. Индивидуальные отношения отдельных членов родовой общины регулировались обычным правом, за нарушение которого виновный наказывался обществом. Отдельные пережитки родовой общины у малочисленных этносов Приамурья и Приморья функционировали ещё во второй половине 70-х гг. XX в.

Ключевые слова: *абориген, регион, община, демократия, коллективизм, потребление, обычное право, нарушение, наказание*

Starcev A. F. Tribal community of the natives of the Priamurye, Primorye and Sakhalin and its features.

The tribal community of the indigenous inhabitants of the Priamurye, Primorye and Sakhalin is one of the main forms of social organization in the era of the primitive communal system, in which people were connected by collective labor and the general consumption of hunting and fishing products. Each tribal community of the Aboriginal people of the region was a large collective connected by kinship, common origin and economic life. The individual relations of individual members of the clan community were regulated by customary law, for the violation of which the perpetrator was punished by society. Separate remnants of the clan community in the small ethnic groups of the Priamurye and Primorye regions functioned in the second half of the 70s of the twentieth century.

Key words: *native, region, community, democracy, collectivism, consumption, customary law, violation, punishment*

Для цитирования: Старцев А. Ф. Родовая община аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина и её особенности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 54–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/54-63

For citation: Starcev A. F. Tribal community of the natives of the Priamurye, Primorye and Sakhalin and its features // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 54–63. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/54-63

